

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Научный проект на тему:

«Гештальт как метод исследования морали»

Москва, 2014 г.

Введение

Исследуемая мной тема называется Гештальт как метод исследования морали. Данная тема является актуальной, так как само понимание морали, определение и исследование моральных установок отдельных индивидов или общества в целом. Не только волновала умы многих ученых с древних времен, но и является крайне актуальной проблемой в современном мире, в период изменения моральных ценностей индивидов и различных социальных групп, а так же своеобразного упадка и трансформации моральных ценностей в современном обществе. Объектом моего исследования является Теория гештальта, а предметом исследование морали с точки зрения гештальт подхода. Целью моей работы является выявить направления теории гештальта, которые можно использовать для исследования морали в социологии. Работа состоит из двух частей. *Первая часть называется Теория гештальта и в ней рассматривается история возникновения и основные положения данной теории. Вторая часть Гештальт как метод исследования морали вначале которой рассматривается Мораль и Социология морали, а далее аспект морали с точки зрения гештальт теории.* Далее представлено заключение в котором, выделены основные теоретические положения и направления теории гештальта, которые можно использовать для исследования морали в социологии.

Часть 1. Теория гештальта

На мой взгляд в этой части рассуждение следует начать с определения понятия Гештальт. Гештальт (слово произошло от немецкого Gestalt — образ, форма) — функциональная структура, которая по присущим ей законам упорядочивает многообразие отдельных явлений. Термин Гештальт предложен гештальтпсихологией и первоначально применялся к описанию психики, но в дальнейшем был распространен на область физических, физиологических, социальных и других явлений. Понятие о Гештальте зародилось при изучении сенсорных образований, когда потребовалось отграничить от входящих в их состав отдельных компонентов (ощущений) способ их структурирования (например, хотя мелодия при ее исполнении в различных тональностях и вызывает различные ощущения, она узнается как одна и та же). Этот способ стал пониматься как Гештальт, имеющий собственные законы, изучение которых гештальтпсихология выдвинула в качестве своей главной задачи. Среди законов Гештальт были выделены: тяготение частей к образованию симметричного целого; группировка этих частей в направлении максимальной простоты, близости, равновесия, "прегнантность" (тенденция каждого психического феномена принять более определенную, отчетливую, завершенную форму) и др. Эти положения отразили общую методологическую ориентацию гештальтпсихологии, неправомерно придавшей характер законов отдельным фактам, выявленным при изучении процесса восприятия, а само восприятие истолковавшей как "чистый" феномен сознания, а не как психический образ объективной реальности, который строится в предметной деятельности и зависит от предшествующего опыта. [2]

Официальной датой рождения термина считается 1890 год, когда философ Кристиан фон Эренфельс опубликовал свой ключевой труд *Über Gestaltqualitäten* («О качествах формы»). Этот ученый поддерживал точку зрения Иммануила Канта — о том, что мы не можем воспринимать физический

мир непосредственно. Человек всегда взаимодействует с информацией, полученной от органов чувств — дорабатывая ее в своем сознании. Таким образом, любое целое для нас больше суммы его частей, потому что мы вкладываем в него и свое восприятие.

Эта идея продолжала развиваться в течение 1910-х—1930-х годов, когда психологи начали активно изучать восприятие произведений искусства.

Ученые выяснили, что когда мы смотрим на картину или статую, главную роль играет некое целостное восприятие объекта, несводимое к свойствам суммы составляющих ее элементов. Такое целостное восприятие и стали называть «гештальтом».

Итак подводя итог Гештальт это единица анализа сознания и психики, которое обозначает целостные, несводимые к сумме своих частей, образования сознания.

Параллельно гештальт-подход к восприятию вырос в самостоятельное направление психологии — благодаря Максу Вертгеймеру, ученику фон Эренфельса. В 1912 году он опубликовал работу «Экспериментальные исследования восприятия движения». Ученый описал, как две вспышки света, сверкнувшие в двух разных местах в разное время, могут восприниматься как один источник света, переместившийся с одного на другое место— если правильно подобрать расстояние и временной интервал (оптический обман работал при интервале около 60 миллисекунд). Таким образом, наблюдатель воспринимал не два отдельных элемента, а единое целое. Это подтверждало идею о том, что цельная модель отличается от простой суммы частей. [10]

Исследования гештальта продолжил датский психолог Эдгар Рубин. Он делил любое воспринимаемое человеком изображение на Фигуру (объект) и Фон. Фигура — это то, на чем сосредоточено наше внимание, а фон — все остальное. Чтобы показать, что фигура и фон являются взаимоисключающими, Рубин создал знаменитый рисунок, который можно «прочитать» либо как изображение вазы, либо как изображение двух лиц — смотря на чем

сконцентрироваться. Когда объектом выступают лица, ваза становится фоном, но когда фигурой становится ваза, лица сразу и полностью отступают на задний план. Он дал описание субъективных признаков фигуры и фона: фигура, в отличие от фона, представляет собой форму, выступает вперед, она лучше запоминается, а фон кажется чем-то непрерывным, находящимся позади фигуры. Фигура — воспринимается как предмет, а фон — как материал, изменение одного только фона может привести к тому, что фигура перестанет распознаваться; при этом любая из прилегающих частей может восприниматься и как фигура, и как фон.[8]

Рассуждая о теории гештальта, нельзя обойти стороной исследования Б.В. Зейгарник. Будучи еще студенткой, она подметила, что официанты в кафе прекрасно помнят все невыполненные заказы и моментально забывают выполненные. Позже Зейгарник провела ряд экспериментов, подтвердивших, что невыполненные задачи создают определенное напряжение в человеческой памяти.

Эксперимент сводился к тому, что экспериментатор просил испытуемых за определенное время решить ряд задач. При этом испытуемому не давали завершить часть из них, ссылаясь на нехватку времени. Позже испытуемому предлагали перечислить все задания, которые он запомнил. Предполагалось, что в случае прерывания решения задачи возникает определенный уровень эмоционального напряжения, который не получает своей разрядки в решении задачи и, в свою очередь, способствует сохранению этого «неудовлетворительного» действия в памяти. Было показано, что среди сохранившихся в памяти действий отношение незавершённых действий к завершённым равно 1,9. Таким образом, результат отличается почти в 2 раза. В результате этого исследования был сделан вывод, что незавершенные процессы мы запоминаем лучше — это явление называется теперь «эффектом Зейгарник» . [4]

Так же в данном контексте, необходимо сделать небольшое отступление в

сторону Гештальт-терапии, которая явилась следствием открытия теории гештальта. Гештальт-терапия — направление в психотерапии, основные идеи и методы которого разработали Фредерик Перлз, Лаура Перлз и Пол Гудман. Основными принципами являются стремление к развитию и расширению осознания (Awareness), актуальность (работа в настоящем) и принятие ответственности за происходящее в своём бытии. Цель и средство гештальт-терапии — «сознательное осознание» (Ж. М. Робин, Энрайт, Ф. Перлз). Такая формулировка подразумевает проживание ситуации здесь-и-сейчас и сознательное присутствие в этом проживании. В ней находит отражение и антиинтеллектуальность позиции Перлза — «забудь о своём уме и доверься чувствам». В то же время работа в гештальте ведётся только с тем, что является актуальным для клиента здесь-и-сейчас. Особенно важным в контексте этого исследования является рассмотрение такого феномена возникающего в гештальт-терапии как интроецирование. То есть модели поведения, мышления или морали, которые человек познает извне и присваивает как свои собственные. Например ребенок, которому мама говорит, что нельзя дотрагиваться до горячей плиты, берет это утверждение на веру, или иными словами интроецирует. Если бы ребенок, попробовал дотронуться до плиты и обжег палец, то он бы уже опытным путем присвоил понимание о том, что нельзя дотрагиваться до горячей плиты, и данная установка не являлась бы интроектом. К этому понятию мы вернемся в следующей части работы.

Часть 2. Гештальт как метод исследования морали.

Многоаспектность морали является одним из оснований для различных ее интерпретаций. Только знакомство с различными концепциями может раздвинуть рамки повседневного взгляда на мораль и нравственные отношения, расширить и углубить их социологическую интерпретацию и мировоззрение самого субъекта.

Мораль (от лат. *moralitas*, *moralis*, *mores* — традиция, народный обычай, позднее — нрав, характер, нравы) — понятие, посредством которого в мыслительном и практическом опыте людей вычленяются обычаи, законы, поступки, характеры, выражающие высшие ценности и долженствование, через которые человек проявляет себя как разумное, сознательное и свободное создание (существо). Как и понятие «этика», понятие «Морали» формулируется в философском размышлении с целью обобщения тех сторон человеческой жизни, которые обозначились понятиями «благо (добро) и зло», «добродетель и порок», «справедливость и своенравность», «правильное и неправильное», а также «склад характера», «нормы и принципы поведения», «достоинство» и т.д. В наиболее общем, но тем не менее специальном значении представления о Морали формируются в процессе осмысления, во-первых, правильного поведения, нравственности, должного характера («морального облика»), отличных от тех, что стихийно обнаруживаются у людей в повседневной жизни; а во-вторых, условий и пределов произволения человека, ограничиваемого собственным (внутренним) долженствованием, или пределов свободы в условиях извне задаваемой организационной и (или) нормативной упорядоченности. Наряду с этим и в специальной общеполитической литературе, и в публицистике, и в обычной речи под «Моралью» нередко понимается вообще любая принятая (где-либо) система норм индивидуального поведения. Основные различия в философско-этических трактовках морали определяются расхождениями в понимании источника морали и содержания морального идеала. [7]

Важно отметить, что мораль пронизывает все сферы социологической действительности. Моральные и нравственные отношения обнаруживаются практически во всех видах человеческой деятельности как их важная составная часть. Первоначально Социология морали развивалась в рамках западного обществоведения. Термин "Социология морали" был предложен французским социологом Э. Дюркгеймом и его школой в конце XIX в., затем был поддержан американским социологом. П. Сорокиным. На этой стадии Социология морали рассматривала моральное сознание и нравственные отношения только как функции социального целого. Сторонники социологического номинализма (теоретическая ориентация в социологии, согласно которой все социальные явления получают реальность только как реализация целей, намерений, установок индивида) выступали против такой трактовки, настаивая на самодостаточности и независимости моральных ценностей. С начала 30-х гг. и до сих пор во многом под влиянием эмпирических исследований такая трактовка проблем социологии морали сменяется в западной социологии более узкой и дробной: изучаются нравственные отношения в производственных группах (Э. Мэйо, Ф. Ротлисбергер), в политических организациях, мораль в сфере сексуальных отношений (Р. Мастерс и др.), научной деятельности (Р. Мертон) и т. п. Несколько особняком стоит "интегральная модель" П. Сорокина, пытавшегося сочетать эмпирическое изучение "системы морали", соотношение разных этических ценностей в ходе европейской истории с абстрактными философско-культурологическим и социологическим подходами и сформулировать программу "моральной реконструкции человечества" через усвоение религиозно-нравственных ценностей. Отечественные социологи, анализируя проблемы Социологии морали, рассматривают мораль как форму обществ. сознания. Основные направления исследований: связь этики и социологии морали. (А. А. Гусейнов, А. Г. Харчев), социальная природа морали и морального сознания (О. Г. Дробницкий), становление норм морали в сферах труда, общения, учебы (М. И. Бобнева). Наметилась тенденция рассмотрения социологии морали. как области знания, которая, с одной стороны, может

выступать эмпирической основой этики, а с другой - обеспечивает соединение этической теории с процессом совершенствования моральной практики. Рассматривая реальное функционирование морали в бытии различных социальных субъектов - общества в целом, социальных групп, личностей, выявляет специфику каждого из этих уровней. В центре ее внимания оказываются: 1) особенности функционирования морали как необходимого системного элемента единой социокультурной системы, соц. аспекты взаимодействия морали с др. видами соц. регуляции поведения людей; 2) особенности функционирования морали в конкретных соц. группах (семья, трудовой коллектив, научное сообщество, неформальные группы и т. д.), в частности, под углом зрения этических проблем социализации, особенности функционирования морали на уровне отдельного индивида, проявляющиеся в степени соответствия реального поведения личности и моральных норм, принятых в обществе.

В поисках адекватных ответов на многочисленные вопросы моральной жизни человечества мы обращаемся к новому прочтению классического наследия. Развитие социологии в XIX — начале XX века выявило ряд сквозных проблем, характерных для основных направлений и школ в социологии. Это — проблемы общества, социальной общности, личности в их взаимосвязи, интеграции, обеспечивающей «социальный порядок» вопреки многообразию интересов людей и социальных групп.

Система социологии Э. Дюркгейма раскрыла общество как саморегулирующийся структурно-функциональный организм, в котором общественный порядок — нормальное состояние и основным регулирующим механизмом является мораль. Он первым ввел термин «социология морали». Социальная солидарность выступает у него как нравственная и социологическая категория, а не только как экономическая целесообразность. Солидарность — системообразующий принцип общества и морали. Он зиждется на осознании зависимости жизнедеятельности индивида от другого,

что и интегрирует общество в единое целое. Солидарность у Э. Дюркгейма — синоним общественного порядка. Сотрудничество, взаимообмен и сплоченность не менее универсальные явления, чем конфликт. Признание солидарности нормой социальной жизни стимулирует активный поиск ее осуществления. Принцип социальной солидарности в настоящее время, когда в обществе процветает протекционизм, привилегии по социальному статусу либо родственным и дружеским связям, может противостоять проявлениям индивидуального, группового и национального эгоизма. Э. Дюркгейм обосновал социальную обусловленность морали: «всякий народ имеет свою нравственность, определяемую условиями, в которых он живет. Поэтому ему невозможно навязать другую нравственность — как бы высока она ни была, не дезорганизуя его...». Мораль начинается там, где налицо бескорыстие и самопожертвование. Общество Э. Дюркгейм понимал, как «средоточие моральной жизни». Он ставил задачу объяснить человека во всей его конкретности и жизненной сложности, как «человека места и времени». Переход общества, характеризующегося господством социальных, традиционных институтов (семьи, цеха, религии) к обществу, ориентированному на ценности науки и промышленности, свободы и демократии, частнособственнического интереса, договора, денег и индивидуализм, порождает разобщенность, отчуждение, психологию одиночества и страха. Быстрая ломка ценностей ведет к дезорганизации, хаосу, расцвету экономической и политической конъюнктуры, правовой неразберихе, которые он назвал аномией (кризисом общества) и видел его истоки в разрушении моральных связей и регуляции. Считая моральные связи сильнее всех других общественных связей, Э. Дюркгейм видел преодоление аномии в укреплении моральной сплоченности групп (профсоюзов, ассоциаций, корпораций), их помощи государству регулировать общественные проблемы. Индустриальное производство, писал он, создает возможности получения богатства для всех, достижения всеобщего процветания, но в нем потребление является общественным, а производство остается частным. Э. Дюркгейм

критиковал социализм за отсутствие адекватных механизмов реализации моральных целей общества. Э. Дюркгейм сформулировал моральные общечеловеческие принципы: гармония; социальная солидарность; социальное здоровье; альтруистическое поведение; защита прав человека; безопасность человеческой жизни; благосостояние; справедливость. Важнейшей функцией морали он считал удержание личности от произвола. Моральные правила, писал он, это барьер, умиряющий человеческие страсти. Они воспитывают чувство дисциплины, обуздывают желания. Общество учит дисциплине и самоконтролю, без которых не может ни сформироваться, ни функционировать человеческая личность. Человек — часть целого и осознавать себя должен соответственно. Три основные черты присущи характеру высоконравственного человека: 1 — чувство дисциплины; 2 — принадлежность к группе; 3 — автономия воли. Чем более сложным является общество, тем более гибкими должны быть мораль и дисциплина, как следование долгу (конституционному признаку морали). Исполнение долга должно быть сознательным, внутренне мотивированным и добровольным. Свобода или автономия воли — это ответственность индивида, знание причин, по которым он должен подчиняться общественной дисциплине. Основным принципом воспитания Э. Дюркгейм сформулировал как девиз: социализуя индивидуализируй. Он писал: «...только широкая общечеловеческая культура может дать современным обществам граждан, в которых они нуждаются...». «...Необходимо, чтобы самым быстрым путем к только что родившемуся эгоистическому и асоциальному существу оно (воспитание. — Л.А.) добавило другое, способное вести социальную и нравственную жизнь».

Э. Дюркгейм различал мораль разных групп общества: семейную, профессиональную (партикулярную), гражданскую. Семейная мораль определялась как школа нравственного воспитания детей. Детей он видел объектом и предметом альтруизма. Кроме того основной функцией семьи считал защиту от влияния нивелирующего индивидуальность общественных институтов. Партикулярная мораль может по-разному интерпретировать одну и

ту же моральную позицию («Не убий» у воина и врача). Он подробно рассматривает пути достижения морального единства на основе соблюдения моральных заповедей, так и на решении проблем, актуальных для общества. Гражданская мораль, как высшая форма в исполнении гражданского долга. Это мораль патриота как члена общества, для которого благо и безопасность общества превыше всего. Выявляя значимость морального символизма в воспитании чувств патриотизма, Э. Дюркгейм считал, что если флаг государства остался единственной эмблемой и отсутствуют массовые публичные праздники, это свидетельствует о том, что еще не установлен новый общественный идеал и это — признак серьезного общественного кризиса. [3]

Классический философский идеализм стремился секуляризировать мораль, освободить ее от религиозного источника. Труды Г.В.Ф. Гегеля в этом плане сыграли большую роль. Но оторвавшись от религии, мораль нуждалась в обосновании своего бытия. Учение Ч. Дарвина, а затем и К. Маркса перевели решение проблемы к естественно-научному и материалистическому ее обоснованию. Одной из концепций, основанной на дарвинизме, отринутой и вновь обретшей признание в современном мире, стала биологоэволюционная концепция П.А. Кропоткина.

Эта концепция выстраивалась на втором законе Ч. Дарвина (который поддерживают и современные биологи) о взаимной помощи внутри вида, как главного фактора прогрессивного развития, имеющего большее значение, чем первый (закон борьбы за существование).

По мере того как социальный инстинкт взаимопомощи осознается сообществом, он постепенно становится утвердившимся обычаем, а затем и нормой в человеческом обществе. Сама эта практика ведет к развитию чувства справедливости, с его неизбежным чувством равенства и равноправия, а также самосдерживания. «Взаимопомощь, справедливость, нравственность — таковы последовательные шаги выходящего ряда настроений (понятий морали),

которые мы познаем при изучении животного мира и человека... мы имеем здесь всеобщий, мировой закон органической эволюции». «Мы, а не Я» — в первобытном обществе — естественный строй жизни. В этом П.А. Кропоткин и видел зачаток этического мышления. Он придавал особое значение состраданию и сочувствию.

П.А. Кропоткин сформулировал основу нравственности: человек считает добром то, что полезно обществу, в котором он живет, и злом то, что вредно ему.

Идеи П.А. Кропоткина использует сегодня весь цивилизованный мир. На чем основывается жизнь современного гражданского общества? На сильном местном самоуправлении, колоссальном влиянии профессиональных союзов и минимизации функций государства, а тем более власть имеющей личности.

Критика позитивизма (объективизма) прозвучала на заседании Вселенского культурного общества в мае 1935 г. которое выразило тревогу за состояние науки и духовной культуры общества. Позитивизм и естествознание «отрываются» от судьбоносных для человечества вопросов о смысле и назначении человеческого бытия. Вместе с богом и исчезала проблематика смысла мира и человеческого бытия, наивная вера в то, что описание и систематизация фактов ответят на проблемы самого человека, попытки самопонимания, самовыражения, самораскрытия не оправдались. Разум лишился ценностной и этической проблематики.

Главной проблематикой философии и социологии Нового времени становится борьба со все разрушающим скепсисом. Мир изначальный распадается на два мира: природу и душевный (психический) мир. Первоначальная наивная связь между ними перерастает в проблему — отношения между телесным и духовным.

Эти проблемы решались экзистенциалистами (прежде всего К. Ясперсом), а также понимающей и формальной социологией М. Вебера и Г. Зиммеля.[5]

Объективно-идеальный, трансцендентный характер морали обосновывал философ-экзистенциалист и социолог К. Ясперс. Он считал, что «запредельное совпадает в действительности с пределом возможностей: человеческих, общественных, природных».

В идеальности моральных установлений — измерение ее трансцендентности. Эта трансцендентность — в расхождении, несовпадении идеала с действительностью, в его нравственной притягательности. Растить в человеке Человека, покорять новые и новые вершины совершенства. Мораль устанавливает своеобразную планку высоты, которую пытается взять в своей жизни человек... Это заставляет человека тянуться, духовно расти. Иначе ему грозит опасность не только не продвинуться вперед, но и не состояться как человеку, деградировать, соскользнуть со своих исходных качеств. Это причастность к миру идей «по образу и подобию Бога».

Мораль у К. Ясперса трансцендентна в нескольких смыслах:

- по отношению к эмпирическому, повседневному существованию человека (она — над ним, на высоте идеала);
- по отношению к индивидуальному «Я»: мораль всегда выводит его на других, в жизненный мир «Мы»;
- выход «Я» в «Мы» происходит на «территории» человеческой совести;
- совесть, достоинство, честь существуют благодаря нашей интенциональности (направленности на них): с ними мы сверяем свою жизнь, они — горизонты нашей жизненной активности. [9]

М. Вебер — автор теории, понимающей социологии, учения об идеальных типах, о связи идеи с экономикой, этикой и религией. Основным предметом его

исследования становится осмысление социального действия, направленного на достижение личностных целей с использованием адекватных средств. Главным направлением исторического процесса он считал рационализацию социального действия.

М. Вебер в своей концепции социологии опирался на специфику социального поведения человека, основанного на его субъективном смысле. Социальным (моральным) действием М. Вебер называл то, которое соотносится с действием других людей и ориентируется на них. Конституционным признаком социального является субъективный смысл (мотивация), доступная пониманию. Это — определяющее звено между действием как эмпирическим фактом и эмпирической средой.

Главной проблемой М. Вебера была проблема — каким образом совершается переход от традиционного (феодалного) к капиталистическому этапу, который побуждает изменения в экономической и социальной организации общества.

Для капитализма, по М. Веберу, необходим особый строй мышления, который исключал хотя бы во время работы вопрос: как при максимуме удобства и минимуме напряжения сохранить свой обычный заработок. Он предполагает такой строй мышления, при котором труд становится абсолютной самоцелью, призванием (*Beruf* нем. — долг, призвание и профессия).

Эти изменения М. Вебер связывает с религиозной реформацией, с аскетическим протестантизмом, главной чертой которого является предопределенность человеческой судьбы. Человек славит Бога не молитвой, а своим трудом. Капиталист, купец, рабочий ощущают свою роль в жизни не отчужденно, а как призвание.

Профессиональный долг проявляется во внутримотивированной обязанности выполнения норм хозяйственного поведения: рациональном управлении, ориентированном на увеличение производительности и умножение капитала, и его последующим вложением в усовершенствование, обеспечение

серийного производства. Последнее удешевляет продукцию, делая ее доступной трудящимся. Это — этическая норма, регулирующая весь уклад жизни, и в ней — одна из форм благотворительности.

Основная норма протестантской этики: «Зарабатывание денег — мой долг, в этом добродетель и источник моей гордости и уважения ко мне со стороны сограждан».

Капиталистическому этосу противостоит этос традиционализма: человек стремится зарабатывать постольку, поскольку это необходимо для поддержания своего предустановленного обществом образа жизни. В нем отсутствуют мотивы приумножения капитала, и считается недостойным уделять ему внимание и превращать в самоцель. Повсюду, отмечает М. Вебер, где капитализм зарождается и стремится интенсифицировать производительность труда и увеличить капитал, он неизменно сталкивается со скрытым или явным сопротивлением.

Особый вклад М. Вебера состоит в разработке теории социального действия и категории экономического менталитета, типа человека, созданного данной социальной, культурной и экономической системой. Для М. Вебера фундаментальным стало различие между логикой общественных потребностей, заботой о социальной справедливости и логикой экономической рациональности и эмпирической действительности.

Противопоставляя моральные и экономические правила, Вебер опирался на несовместимость двух типов рациональности: инструментальной, ориентированной исключительно на соответствии средств и целей, и этической рациональности — бескорыстной, полностью ориентированной на универсальные ценности, такие, как справедливость, добро или долг.[1]

Если опираться на теорию Гештальта, то в любых биологических, психологических или социологических исследованиях мы должны начинать со взаимодействия организма и среды. Нет смысла говорить, например, о животном, которое дышит, не принимая во внимание воздух и кислород, или

говорить о питании, не упоминая пищу, о зрении - не учитывая свет, о движении - без гравитации и поддерживающей почвы, о речи - не принимая во внимание говорящего. Ни одна функция животного не может быть осуществлена без внешних объектов и окружающей среды; это относится как к вегетативным функциям, таким как питание и сексуальность, так и к функциям восприятия, моторике, чувствам и мышлению. Формирование фигуры и фона - это динамичный процесс, в ходе которого потребности и ресурсы поля постепенно передают свою энергию интересу, яркости и силе доминирующей фигуры. Следовательно, бессмысленно пытаться рассматривать любое поведение в отрыве от социокультурного, биологического и физического контекста. Здесь будет уместно, такое понятие, как творческий социальный контакт. То как индивид, взаимодействует с социум во всем многообразии этого процесса. Ведь контакт, человека с социумом, является необходимой и неотъемлемой частью жизни человека в обществе. Последствием творческого социального контакта является формирование личности: отождествление с группой, соответствующие риторические и моральные позиции. Как последствия контакта, моральные оценки и суждения о подходящем поведении комбинируют два вида ассимиляции. С одной стороны, это просто технические навыки, которые выучиваются в качестве способов, приводящих к успеху. Как таковые, они гибки и могут модифицироваться в изменяющихся обстоятельствах. Кристаллизованное благоразумие субъекта - часть точки зрения, с которой он обращается к проблеме, С другой стороны, это лояльность группе: субъект действует определенным образом потому, что таковы социальные ожидания, включая ожидания собственной сформированной личности. Техника в каждой ситуации настоящего модифицируется в результате выбора: оставаться ли членом группы, использовать или нет групповую технику. Обычно последняя менее гибка, чем индивидуальная, и вероятен конфликт между двумя основами действия. Если этот конфликт становится слишком заметным и слишком частым, субъект решит, что группа иррациональна (связана прошлым), и должен будет либо изменить групповую

технику, либо отказаться от своей лояльности. Теряя лояльность, он вынужден искать новую, поскольку определенного рода социальность - одна из наших постоянных потребностей. [6]

Заключение.

Анализируя вышесказанное о теории гештальта, можно сделать вывод о том что, человек исходя из своих установок, своего фона, может сформировать представление о какой-либо социальной группе и ее моральных установках, обобщая ее и формируя свой собственный «гештальт» о моральных ценностях этой группы. В практической социологии этот аспект может быть применим к анализу моральных качеств той или иной группы, для выявления моральных установок индивида, который будет расположен к присоединению именно к этой группе. Данное заключение, я составила исходя из идеи Ф. Перлза, о том, что человек стремится примкнуть к той или иной группе, и в зависимости от степени своей осознанности, может выбрать группу исходя из своих моральных установок.

Но в этом контексте существует и обратный процесс. Ведь группа людей или общество так же влияет на моральные установки индивида. Человек как социальное существо стремится отождествиться с большей группой людей. Таким образом примыкая к определенной группе, человек может инроецировать ее моральные установки. Начинается это с первой самой маленькой социальной группы — семьи. Но на мой взгляд это может так же использоваться и для больших социальных групп. Так например ранние браки являются нормой в маленьких деревнях мусульманских стран. И при этом в западном мире, такой брак являлся бы аморальным и уголовно наказуемым. И в этом случае девочки и их родители интроецируют данную традицию раннего брака, и она становится для них морально приемлемой.

Теория гештальта и гештальт-анализ имеют высокий потенциал для исследования морали моральных установок в социуме. Проанализировав основные постулаты Гештальт теории и основные представления о морали в социологии удалось выделить основные направления теории гештальта, которые можно использовать для исследования морали в социологии а именно:

Выбор социальной группы исходя из собственных моральных установок индивида. Формирование собственного морального «гештальта» относительно моральных установок той или иной группы.

Влияние группы на моральные установки и поведение индивида.
Интроецирование социальных моральных установок.

Список литературы:

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 602—603.
2. Гамезо М.В., Степаносова А.В., Хализева Л.М. Словарь-справочник по педагогической психологии.. 2001.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 255, 261, 352.
4. Зейгарник Б.В. Патопсихология.—Издательство Московского университета, 1986.— 288с.—79 000 экз.
5. Кропоткин П.А. Этика. М., 1991. С. 43—44.
6. Перлз Ф. Теория гештальт-терапии. М., 2010. С.320.
7. Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.
8. Эдгар Рубин, Визуально воспринимаемые фигуры (Synsoplevede Figuer, Kobenhavn, 1915)
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 28.
10. Wertheimer, M. (1912). Experimentelle Studien u̇ber das Sehen von Bewegung [Experimental studies on the seeing of motion]. Zeitschrift fu̇r Psychologie, 61, 161–265.